

УДК 316.33

Анатолий Иванович Лысюк¹, Мария Григорьевна Соколовская²¹д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²ст. преподаватель каф. политологии и социологии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Anatolij Lysiuk¹, Maryia Sokolovskaya²¹Doctor of Political Science, PhD in Philosophy, Associate Professor,

Associate Professor of Department for Political Science and Sociology

of Brest A. S. Pushkin State University

²Senior Lecturer of Department for Political Science and Sociology

of Brest A. S. Pushkin State University

e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²lllogos@list.ru**КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА**

Исследуется концепция любви, разработанная русским философом В. Соловьевым на основе идеи Всеединства, методологическую базу которой составили Священное Писание и труды Платона. Указывается, что свой высший расцвет любовь переживает в жизни отдельного человека. Ее основополагающей характеристикой является преодоление им своего эгоизма и признание безусловного значения другого. В любви между мужчиной и женщиной значимыми составляющими являются по нисходящей три компонента: религиозный, нравственный и физиологический (эротический пафос). Своим самым важным результатом любовь имеет соединение в одно целое мужского и женского начал и последующее творческое преобразование индивида. Идеальная любовь во всей своей полноте и глубине в концепции В. Соловьева является воплощением образа Софии как одновременное сочетание божественного и земного, духовного и эротического, воплощенного в конечном счете в облике любимого человека. Объективная сила любви в реальности выступает как потенция, предполагающая умение у индивида этим даром воспользоваться, что выступает его великой жизненной задачей.

The Concept of Love in Work of Vladimir Solovyov

The article studies concept of love, developed by the Russian philosopher V. Solovyov on the basis of the idea of unity, the methodological base of which was Holy Bible and works of Plato. It is indicated that love experiences its highest flowering in the life of an individual. Its fundamental characteristic is overcoming of egoism and recognition of an unconditional meaning of another individual. In love between man and woman, three components are important downward: religious, moral and physiological (erotic pathos). The most important outcome of love is combination of masculine and feminine principles into united body and subsequent individual creative transformation. An ideal love in its fullness and depth in the concept of V. Solovyov is embodiment of the image of Sofia as a simultaneous combination of divine and earthly, spiritual and erotic, which can be possible in the form of beloved. The objective power of love in reality acts as a potency, which implies the ability of an individual to use this gift, which is his great life task.

Введение

Владимир Сергеевич Соловьев является одним из выдающихся русских мыслителей второй половины XIX в. Его идеалистическая философская система является многогранной и разносторонней и основана на идее Всеединства, предполагающей наличие Единого в той или иной степени во всем сущем.

Тема любви, ее проблематика играет в его трудах основополагающую, интегративную роль. Русский мыслитель Н. Бердяев отмечая, что философское познание чаще всего основано на эротическом пафосе,

подчеркивает, что все творчество В. Соловьева пронизано великой силой любви, познанный на личном опыте, а его «Смысл любви» – самое глубокое, самое проникновенное из всего, что писалось людьми на эту тему [1, с. 237]. Русский философ и общественный деятель Е. Н. Трубецкой указывает на принципиальную важность понимания феномена любви в трудах В. Соловьева: «Здесь открывается жизненный нерв его философии... Эрос есть именно то, чем она живет, откуда она черпает все свои краски, источник всего его воодушевления и творчества... С юных лет и почти до кон-

ца своих дней Соловьев провел большую часть жизни в состоянии эротического подъема» [Цит. по: 2, с. 583].

Значимость идеи любви в творчестве В. Соловьева обусловлена, как минимум, четырьмя важными факторами. Во-первых, личностными обстоятельствами, тем, что он был способен страстно и глубоко погружаться в любовные отношения, обладая повышенной влюбчивостью и сензитивностью, рассматривая, правда, создание собственной семьи как нечто второстепенное по сравнению с той социальной миссией, к которой он призван. Во-вторых, принципиальное значение имеет его религиозное (христианское) мировоззрение, основополагающим постулатом которого является принцип «Бог есть любовь», – его личная, индивидуальная любовь во многом носила мистический характер. В-третьих, очевидно его стремление в рамках идеи Всеединства обнаружить скрепляющие элементы (скрижали) бытия, в которых воедино сливаются высокие духовные энергии и личная жизнь человека, что, по его убеждению, достижимо через утверждение, укоренение любовных интенций, поскольку любовь выступает ключевым компонентом мироустройства. В-четвертых, проблематика любви выступает и важнейшей частью его поэтического лирического гения.

Несмотря на принципиальную значимость темы любви в трудах В. Соловьева, тем не менее отсутствуют специальные научные работы по изучению этой части его научного творчества. Даже в более чем 700-страничной монографии А. Лосева «Владимир Соловьев и его время» эта проблематика находится на периферии внимания исследователя.

Существует также необходимость очищения творчества В. Соловьева от адресованных ему и страдающих односторонностью обвинений (В. Розанов, Н. Бердяев и др.) в чрезмерном платонизме его интерпретаций любви и об игнорировании им важности эротического компонента, представленного в любовных отношениях между мужчиной и женщиной.

Требуется и содержательного уточнения взаимосвязь определения любви Платона и В. Соловьева, так как последний ее выстраивал и обосновывал в значительной степени опираясь не только на священные

(христианские) тексты, но и на наследие древнегреческого философа.

Целью данной статьи является системный и критический анализ концепции любви В. Соловьева сквозь призму ее соотносительности с другими, тематически родственными теориями и подходами.

Владимир Соловьев о смысле любви и ее роли в жизни человека

Не оспаривая социального значения половой любви и определяя ее как влечение одного человека к другому для взаимного соединения и осуществления совместной жизни, В. Соловьев убежден в том, что в священной истории, как и в общей истории, она «не является средством или орудием исторических целей... и прямого действия на исторический процесс не оказывает: ее положительное значение должно корениться в индивидуальной жизни» [3, с. 501]. Именно в личностной сфере она переживает свой высший расцвет и формирует важнейшие смыслы бытия человека.

Самый главный из них связан с преодолением эгоизма индивида. В. Соловьев отмечает, что «смысл человеческой любви вообще есть *оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма*». По своей природе любовь заставляет «нас во внутреннем чувстве и жизненной силе признать для себя безусловное значение другого» [3, с. 505, 507]. Любовь всегда персонифицирована и влюбленный нацелен на формирование определенных отношений с конкретным лицом. Через подобное самоотрицание собственного «я» и утверждения в своей личности другого индивид не только не вступает в стадию личностного разрушения, но осуществляет свое «высшее самутверждение» [4, с. 704]. Подобная позиция способна стать абсолютным демиургом его мотивации, деятельности, жизненного пути.

Любовь между мужчиной и женщиной в понимании русского философа обладает преимущественно нравственным и религиозным характером. В «Оправдании добра» нравственность своей полноты достигает именно в любви, проявляясь в таких трех моральных феноменах, как стыд, жалость и благоговение, составляющих ее эмоциональную основу. Стыд не позволяет человеку стать рабом чрезмерных чувственных, животных наслаждений, учитывая

тем более важность в любовных отношениях эротического пафоса. Жалость означает сострадательное (альтруистическое) отношение к человеку, отождествление, в частности, для русского человека понятий «жалеть» и «любить». В свою очередь, благоговение выступает как восхищение любимым человеком, проявление к нему особенной симпатии и его неременная идеализация.

Религиозный компонент любви основан на убеждение в том, что индивид обладает наряду с материальной, физиологической природой также природой идеальной, духовной, мистической, связывающей его с образом Божьим, а через него – с абсолютной истиной. Эта духовная стихия не является абстрактной величиной; она в любви познается в конкретных жизненных стихиях и является тем краеугольным камнем, который кладется во главу угла «храма любви». Бердяев подчеркивает, что В. Соловьев глубже всех понял то обстоятельство, что «мистическая тайна полового соединения в том и заключается, чтобы не попасть в рабство безличного родового инстинкта, не поддаться хитрости греховной природы, а найти органическое дополнение к своему вечному образу в Боге, осуществить в любви идею Божию, то есть стать индивидуальностью, завоевать бессмертие» [1, с. 253]. Поэтому принципиальное значение для понимания концепции любви В. Соловьева имеет его утверждение, что «дело истинной любви прежде всего основывается на *вере*... Признать безусловное значение за данным лицом или верить в него (без чего невозможна истинная любовь) я могу, только утверждая его в Боге, следовательно, веря в самого Бога и в себя как имеющего в Боге сосредоточение и корень своего бытия» [3, с. 531–532]. Построение гармоничных отношений с Богом позволяет двум ограниченным и смертным существам обрести одну абсолютную и бессмертную индивидуальность, проторить дорогу в вечность. При этом любовный пафос, идеализируя низшее человеческое существо, переносит на него черты высшего, божественного. В этом случае конкретная женщина или вполне определенный мужчина могут отражать лики и образы вечного Божественного сияния и красоты.

Само наличие веры не обеспечивает в автоматическом режиме утверждение свет-

лой и созидательной любви. Со стороны влюбленных, по убеждению В. Соловьева, необходимы не просто вера, но деятельная вера, нравственный подвиг и постоянный труд по укреплению и развитию дара любви. Если у них это получится, то «на выходе» их ожидают неземное блаженство и радость, имманентно присущие любви, даже несовершенной.

Подчеркивается, что христиански ориентированный человек выбирает объект любви не столько на основании чувства и чувствования, сколько «благодаря разумному сознанию».

Сами любовные отношения, как констатирует В. Соловьев, могут приобретать три формы. Во-первых, любовь, которая больше дает, нежели получает, или нисходящая любовь. Во-вторых, любовь, которая больше получает, нежели дает, или восходящая любовь. В-третьих, когда те и другие любовные интенции уравновешены, наблюдается их обоюдность. Эти формы являются отражением, по убеждению А. Лосева, известного космосо-антропологического порядка, когда Бог по отношению к человеку проявляет нисходящую любовь, а последний к нему – восходящую, в свою очередь, по этому образцу мужчина демонстрирует к женщине нисходящую любовь, а она преисполнена к нему любовью восходящей.

Своим самым важным результатом любви имеет чудесное преобразование «его» и «ее», что проявляется в некоторых формах. В первую очередь она «может вести к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, только про нее и в слове Божьем сказано: будут два в одну плоть едину, т. е. станут одним реальным существом» [3, с. 511]. Происходит соединение мужского и женского начал в своем высшем выражении, сохраняющих тем не менее свою индивидуальность, но преображенную и просветленную, что приводит к восстановлению единства и целостности человеческой личности, полноте ее жизни, поскольку между любящим и любимым происходит всестороннее и полное взаимное дополнение друг в друге необходимых для жизни свойств, качеств и энергий. В результате два ограниченных существа (мужчина и женщина), обретая полную и всестороннюю взаимность, совершают

восхождение на более высокие уровни личностного и духовного развития.

Творческая сила любви содержательно нацелена не только на создание нового, более возвышенного человека, но и на преобразование, «одухотворение» окружающей его социальной и природной среды.

Эта объективная сила любви, проявляющаяся через откровение, в реальности у индивида проявляется как потенция, как «зачатки или задатки», что предполагает умение этим даром воспользоваться. По убеждению В. Соловьева, в подавляющем числе жизненных случаев эта потенция не превращается в действительность. Более того, достаточно часто сильная любовь приводит к страданиям и несчастьям и, как крайний вариант, к самоубийству или деформации личности. Поэтому в большинстве ситуаций любовь следует признать «за мечту», иллюзию, на короткое время ставшую частью человеческого естества и однажды исчезающую.

В рамках половой любви провозглашаются недостойными и противоестественными браки между мужчиной и женщиной, основанные исключительно на гражданско-правовых отношениях, либо только отношениях моральных, душевных, но лишенных высшего духовного (религиозного) начала, порождающего любовь.

В любовном пафосе заключена и некоторая слепота, побуждающая воспринимать любимого человека совсем по-другому, нежели его видят другие люди, т. е. его идеализировать. На протяжении жизни чаще всего «предмет любви не сохраняет в действительности того безусловного значения, которое придает ему влюбленной мечтой... Разом или понемногу пафос любовного увлечения проходит... Любовная идеализация... оказывается только приманкой, заставляющей нас желать физического и житейского обладания, и исчезает, как только эта совсем не идеальная цель достигнута» [3, с. 511, 518]. Поэтому перед человеком стоит великая задача – понять ее смысл и содержания и внести их в собственную жизнь.

Физиологические моменты любви

Отмечая специфику половой любви (влюбленности), В. Соловьев указывает на то, что от других видов индивидуальной

человеческой любви она «отличается особенно нераздельным в ней единством духовной и физической стороны... для влюбленного психическое и телесное существо любимого хотя разным способом, но *в равной степени* интересны, значительны, дороги, он привязан к ним одинаково напряженностью чувства» [5, с. 230]. Правда, телесное должно быть освящено супружеской любовью, истинным человеческим браком. Что касается исключительно духовной любви, без других компонентов, то философ рассматривает ее как личностную аномалию. Он воспринимает отрицание плоти как ложную духовность, будучи убежденным, что истинная духовность заключается в ее (плоти) перерождении, спасении и воскресении.

Естественно, между любящими друг друга мужчиной и женщиной, мужем и женой, как правило, возникают в современном понимании интимные отношения. Но любовь, притом, очень яркая, эротическая, в представлении В. Соловьева, может быть и односторонней, без взаимности, полностью исключая физическую близость. Она же чаще всего не знает переплетения тел и в момент ухаживания, до брака, в котором она призвана получить свое окончательное завершение. Эротический пафос может наполнять любовные переживания и на расстоянии.

В концепции любви В. Соловьева наблюдается скептическое отношение к значимости ее физической, физиологической стороны. Он вполне определенно пишет: «Я называю половой любовью... исключительную привязанность (как обоюдную, так и одностороннюю) между лицами разного пола, могущими быть между собою в отношении мужа и жены, несколько не предпреляя при этом вопроса о значении физиологической стороны дела» [3, с. 511]. Далее он добавляет: «Внешнее соединение, житейское и в особенности физиологическое, не имеет определенного отношения к любви. Оно бывает без любви, и любовь бывает без него» [3, с. 518].

По убеждению русского философа, чрезмерный голос природы в любовных отношениях обеспечивает только временную, внешнюю и иллюзорную связь, разрушая в конечном счете желанную целостность между мужчиной и женщиной и скрывая от них путь должный и истинный.

В. Соловьев, безусловно, осуждает противоестественные для человека половые отношения, основанные на доминировании низшей, животной, чувственной сферы личности человека относительно ее высших содержаний, на «похоти плоти», нацеленной преимущественно на личностное наслаждение, в рамках которого другой человек выступает объектом его удовлетворения.

В его представлении, человеку, охваченному плотским инстинктом и включенному в процессы рождения и неминуемой смерти, чрезвычайно унижительно и нечестиво быть орудием слепой, безжалостной и темной силы природы, поскольку в ее рамках, рождаясь и умирая, люди в историческом процессе аморально сменяют друг друга, в особенности своих отцов.

Но плотское, физическое, физиологическое не является, в понимании В. Соловьева, однозначным злом. В «Оправдании добра» он отмечает, что «естественное отношение между мужчиной и женщиной представляет три стороны: 1) *материальную* – в физическом влечении, обусловленном природою организма; 2) *идеальную* – в той экзальтации душевного чувства, которая называется влюбленностью... 3) естественное половое отношение определяется со стороны своей *целесообразности*, или своего окончательного результата, т. е. деторождения». Но при этом, не исключая иные, «главное значение принадлежит в этом отношении среднему элементу – любовной экзальтации, или пафосу любви» [5, с. 491].

Что касается первого (плотского) элемента, то «в истинном браке естественная половая связь не уничтожается, а преисуществляется», т. е. «брак остается удовлетворением половой потребности, только сама эта потребность относится уже не к внешней природе животного организма, а к природе очеловеченной и ждущей обожествления» [5, с. 491]. В этом случае она необходима для любви как ее окончательная реализация, завершение, своего рода апогей любовных отношений. Сама эта половая потребность относится уже не к удовлетворению потребностей животного организма, а к утверждению образа Божия в человеке.

Деторождение, невозможное, как известно, без физического контакта между мужчиной и женщиной, рассматривается

русским философом в качестве безусловного добра, «спасительного дела» как для матери, так и для отца, участвующих в созидании жизни, делая оговорку, правда, что рождение младенцев отнюдь не является главной задачей любви, тем более осознавая тот факт, что самая сильная любовь далеко не всегда к этому приводит.

В. Соловьев специально подчеркивает тот факт, что изучение конкретных любовных отношений в российском обществе указывает на противоестественное их состояние, поскольку господствующее положение заняли те из них, которые основаны преимущественно на животной физиологической связи. Определенное их число имеют вид социально-нравственного семейного союза. И только немногие люди способны на чистую духовную любовь. Следовательно, «первым условием любви признается то, что должно быть лишь ее крайним, обусловленным проявлением. Это последнее – физическое соединение, поставленное на место первого и лишенное таким образом своего *человеческого* смысла... само неизбежно становится нравственною могилою любви гораздо раньше, чем физическая могила возьмет любящих» [3, с. 536].

Синтетический, «софийный» образ любви

Интерпретация физиологического компонента любви у В. Соловьева, таким образом, далеко выходит за рамки «черной тени, оттеняющей сияние света воздержания» в чем его обвинял известный русский философ В. Розанов [6, с. 208]. Интимная близость влюбленных, обретая духовное начало, покидает пределы чисто физиологической связи. Она преодолевает барьеры и чисто душевных отношений, которые страдают неустойчивостью и чрезмерной эмоциональностью, а следовательно, временной ограниченностью. В рамках христианского мировоззрения она находится в подчинении идеального, абсолютного, пронизывающего все человеческое бытие, поскольку божественное начало ориентировано на сакрализацию всего сущего, играя «роль действующего, определяющего, образующего или оплодотворяющего элемента» [7, с. 83].

Идеальная любовь во всей своей полноте и глубине в концепции В. Соловьева является воплощением образа Софии – Ми-

ровой души. Как отмечает А. Лосев, «София у Соловьева – это основной и центральный образ, или идея... Ее он мыслил как нераздельное тождество идеального и материального, как материально осуществленную идею или как идеально преображенную материю» [2, с. 210]. София является наивысшей областью бытия, проливающей с небес вселенскую любовь, на которую человек призван ориентироваться, в той или иной степени ее отражая на протяжении всей своей жизни, стремясь таким образом преодолеть свою ограниченность и вписаться в вечность. По убеждению А. Лосева, в этой любви, в интерпретации русского философа, происходит «соединение чувственности и разума, непосредственного ощущения и опосредованного размышления, единичного и общего, или натурального и умозрительного... Точное ее определение совершенно невозможно» [2, с. 227]. Это высшее духовное начало имеет своим предметом в т. ч. человеческую половую любовь, отношения между мужчиной и женщиной в их конкретных проявлениях и может приобретать форму личностных, самых глубоких интимных переживаний.

Синтетическим образом Софии является Вечная Женственность, которая, например, в поэме В. Соловьева «Три свидания» одновременно представлена и как высь небес, и как вселенская глубина, и как одухотворенные феномены природы, и как образ любимой, «всепрекрасной» женщины, вызывающей восхищение мужчины, порождающей у него любовные интенции и олицетворяющий высшее духовное (религиозное) начало. Выдающийся русский философ С. Булгаков отмечал, что «Владимир Соловьев является единственным, который не только имел поэтические и философские созерцания относительно Софии, но и приписывал себе еще и личные к ней отношения, принимающие эротический характер, разумеется, в самом возвышенном смысле. Поэтому земную любовь он ощущал для себя... как некоторое падение или измену... У Соловьева София впервые является не только метафизической сущностью, но и ипостасью, конкретной женскою личностью» [8, с. 315–316]. И этой личностью в различные периоды жизни В. Соловьева выступали Софья Хитрово, Софья Мартынова и Анна Шмидт. Так, в стихотворении

«Зачем слова?», посвященном Софье Мартиновой, он одновременно видит и «розовое сияние» вечной Софии, и образ любимой женщины, вызывающий в душе страстный огонь. В стихотворных строчках присутствуют пережитые страдания, порожденные ее равнодушием и холодом, но с этой женщиной он не в силах разорвать любовные узы. Поэтому вряд ли можно согласиться с Бердяевым, что «у В. Соловьева... был силен эрос платонический, который направлен на вечную женственность Божью, а не на конкретную женщину» [9, с. 337].

Подобное «софийное» состояние человека, достижимое только через соединение с Богом, позволяет индивиду обрести именно высшую, божественную любовь, объединить мужское с женским, духовное с телесным и благодаря этому стать на путь *богочеловеческий* и развернуться в богочеловеческой личности, что является ее уже новым рождением. Как подчеркивает советский философ А. Гулыга, в этом случае индивид, превратившись в «сверхчеловека», «богочеловека», в состоянии «решить главную задачу любви – увековечить любимое, спасти его от смерти и тлена» [10, с. 44].

При подобной божественной оптике любимая женщина воспринимается совсем по-другому, не так, как она видится внешнему наблюдению и восприятию. В ней для любящего становится очевидным и понятным ее истинная божественная сущность, поскольку человек есть «образ и подобие Божие». Отсюда уже проистекает один шаг к ее «обожению» и одухотворению. Более того, особый (божественный) характер высшего любовного чувства возникает и у женщины по отношению к мужчине, видящей в своем избраннике не только существо, проявляющее к ней максимальную заботу и нежность, но и в религиозном плане «действительного спасителя», который показывает ей, в чем заключается подлинный смысл ее жизни и путь к его осуществлению.

Образ Софии следует отличать от образа женственности Девы Марии, не только потому, что последний исторически и лично персонифицирован, в отличие от первого, но и по той причине, что, как отмечает М. Можейко, «являясь символом единения дольного и горнего миров, Мария... безусловно выступает олицетворением целомудрия... она принципиально асексу-

альна» и «является воплощением отречения» [11, с. 79]. Как уже отмечалось выше, соловьевский «софийный» облик любви при всех очевидных и бесспорных духовных содержаниях обладает и высокой страстностью, и эротическим пафосом.

Концепции любви Владимира Соловьева и Платона: сравнительный анализ

Софийный образ любви, разработанный В. Соловьевым, существенным образом является отражением теории любви Платона. Эти две теории целесообразно сопоставить в этой статье.

В первую очередь, как справедливо отмечал русский философ, Платоном всякая плотская, физическая любовь, «независимо от той либо другой формы, признана им за что-то вульгарное и неизменное, недостойное истинного человеческого призвания» [12, с. 609]. В его концепции любовь выступает как соперничество и противоборство двух устремлений души человека, — высшей и низшей. Низшая проявляется в виде исчезающего временного эротического пафоса, основанного на любви *к телесности*, и по своей природе стремится к бессмысленной «чувственной безмерности», которую невозможно утолить, насытить, наполнить живым содержанием. Подобная любовь, по убеждению древнегреческого мыслителя, лишена смысла, т. к. в конечном счете приводит человека к безобразию, тлению и последующей неминуемой смерти. Именно с эротической теорией любви Платона связано представление о высокой и чистой любви, получившей название платонической и свободной от злоупотребления природной чувственностью. Выше мы уже указывали на скептическое восприятие В. Соловьевым физиологических аспектов половой любви, но его критическая тональность по отношению к ним гораздо ниже, чем у Платона.

В концепции любви Платона ее «софийный» элемент, разработанный В. Соловьевым, обнаруживается и в ее понимании как гармоничного соединения небесного (божественного) и одновременно земного (человеческого) начала. Русский философ указывает на то, что любовь у древнегреческого мыслителя как «сила средняя между богами и смертными» призвана «строить мост между небом и землей и между ними и

преисподнею» [12, с. 611–612]. Вопрос заключается только в том, воспользуется ли человек этой помощью, а если — да, то каким образом? В этом ракурсе различия позиций двух философов наблюдается только по линии интерпретации сакрального источника любви: у В. Соловьева таковой является Мировая душа в виде Софии, у Платона — Эрос как проявление идеи красоты.

Общность понимания любви у обоих мыслителей связана также с указанием на то, что она, поселившись в сердце индивида, вызывает у него колоссальное воодушевление, творческую энергетику, «могучие крылья» и «новую силу бесконечности», что приводит его к радикальному преображению. Однако эта приобретенная мощь физических и душевных сил может быть потрачена на чувственные наслаждения, что прокладывает путь к гибели любви. По убеждению Платона, возможен единственно истинный ее вариант — *«рождать в красоте»* и через это увековечить любимого, избавить его смерти и тления. В представлении В. Соловьева, что собой представляет этот процесс «прямого ответа мы не найдем у Платона». Он «как будто... начинает блуждать по неясным и безысходным тропинкам. Его теория любви, неслышанная в языческом мире, остается недосказанною» [12, с. 613–614].

Со своей стороны, А. Лосев, крупнейший специалист по древнегреческой философии, отмечает, что платоновская просветленная любовь к вечной, бессмертной, *небесной* идее красоты как предельному понятию тем не менее «отражается и в больших, и в малых вещах, и в людях, и в событиях, и во всяких мельчайших моментах жизни» [13, с. 254]. Следовательно, любовь к общей, родовой идее красоты проецируется во всех существующие в мире отдельные красивые предметы, объекты, включая и человеческие образы, конкретные личности, порождающие и эротические, и эстетические чувства.

Подобный подход разделяет и В. Соловьев, в «софийной любви» которого исключительно половая любовь между мужчиной и женщиной является любовью ограниченной. Ее полнота требует того, чтобы воедино сливались любовь к божеству, а через это — и к женщине (мужчине), что получает свое завершение в браке, ценность

которого, правда, согласно Платону, является ограниченной.

Наибольшие же различия между теориями любви Платона и В. Соловьева проходят по линии отношения к однополой любви. Если древнегреческий философ допускает «пестроту» Афродиты», хотя и критично относится к ней, как и ко всякой телесной любви, то для русского философа она является одной из аномалий.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, В. Соловьев настаивает на том, что в истории человечества половая любовь не оказывает какого-либо существенного влияния на социальные процессы.

Во-вторых, свой «высший расцвет» она переживает в личностной, индивидуальной сфере, формируя важнейшие смыслы бытия человека и в первую очередь связана с преодолением его эгоизма. Она призвана наполнять абсолютным содержанием его существование.

В-третьих, любовь между мужчиной и женщиной в понимании русского философа обладает преимущественно нравственным и религиозным характером, а не чувственным пафосом.

В-четвертых, со стороны влюбленных, по убеждению В. Соловьева, необходимы не просто религиозная вера, но деятельная вера, нравственный подвиг и постоянный труд по укреплению и развитию светлого и творческого дара любви.

В-пятых, своим самым важным результатом любовь имеет неразрывное соединение двух жизней и личностей в одну, согласно слову Божьему.

В-шестых, в концепции любви В. Соловьева наблюдается скептическое отношение к значимости ее физической, физиологической стороны. Однако утверждается, что для влюбленного психическое и телесное в любимом *в равной степени* интересны и дороги, рождая эротический пафос. Но при этом они должны находиться в подчинении идеального, абсолютного, сакрального.

В-седьмых, творческая сила любви по своей природе нацелена не только на создание нового, более возвышенного человека, но и на преображение окружающей его социальной и природной среды, «одухотворяя форму внешних явлений», включая и идеализацию любимого человека.

В-восьмых, идеальная любовь во всей своей полноте и глубине в концепции В. Соловьева является воплощением образа Небесной Софии как одновременное сочетание в отношениях между мужчиной и женщиной божественного и небожественного, сакрального и земного, духовного и эротического, что может быть спроецировано в конечном счете на образ конкретной (любимой) женщины, но подобная способность обнаруживается у немногих людей.

В-девятых, объективная сила любви в реальности выступает как потенция и откровение, предполагающие умение индивида этим даром воспользоваться и его объективировать.

В-десятых, софийный образ любви, разработанный В. Соловьевым, существенным образом является отражением теории любви Платона, в особенности относительно ее духовного измерения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. Метафизика любви и пола / Н. Бердяев // Русский эрос или философия любви в России. – М. : Прогресс, 1991. – С. 232–265.
2. Лосев, А. Ф. Владимир Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. – М. : Прогресс, 1990. – 720 с.
3. Соловьев, В. С. Смысл любви / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 493–547.
4. Соловьев, В. С. Критика отвлеченных начал / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 582–831.
5. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 47–580.
6. Розанов, В. В. Семья и жизнь / В. В. Розанов // Уединенное : собр. соч. : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – С. 207–215.

7. Соловьев, В. С. Лекции по истории философии / В. С. Соловьев // *Вопр. философии.* – 1989. – № 6. – С. 76–137.
8. Булгаков, С. Владимир Соловьев и Анна Шмидт / С. Булгаков // *Русский эрос, или философия любви в России.* – М. : Прогресс, 1991. – С. 315–319.
9. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев // *Самопознание.* – Харьков : Эксмо, 2005. – С. 259–637.
10. Гулыга, А. В. Философия любви / В. С. Соловьев // *Сочинения : в 2 т.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 33–46.
11. Можейко, М. А. Любовь как феномен европейской культуры: от Афродиты к Марии / М. А. Можейко // *Социология.* – 2016. – № 4. – С. 74–80.
12. Соловьев, В. С. Жизненная драма Платона / В. С. Соловьев // *Сочинения : в 2 т.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 582–625.
13. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1974. – 600 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.06.2020